

ХОДЯЧМЕ

анна зимова
второй шаг

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
3-62

Серия «Ходячие»

Художник обложки: *В. Гурков*

Зимова, Анна Сергеевна

3-62 Ходячие. Второй шаг / Анна Зимова.— Москва: Издательство АСТ, 2016.— 316, [2] с. (Ходячие).

ISBN 978-5-17-092059-4

Наши дни. Рейс Пхукет—Санкт-Петербург, и всего 14 пассажиров на борту, которым через несколько часов предстоит столкнуться с необъяснимым. Догорающие самолеты на взлетной полосе, как будто вымерший аэропорт, молчащие телефоны.

Теперь этим четырнадцать предстоит попытаться ответить на вопрос, ЧТО ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ С МИРОМ? — но не всем им даже суждено покинуть зал прилета...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

Подписано в печать 30.09.15.

Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 16,8.

Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Анна Зимова, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2016

ГЛАВА 1

Желаем вам приятного полета

Даша спешила по проходу с подносом, нагруженным баночками колы, когда за спиной сказали: «Руки вверх!» Даша вздрогнула. Одна из банок, упав, покати-лась под дальний ряд кресел. Даша обернулась и по-смотрела прямо в дуло направленного на нее пистоле-та. «Руки вверх», – повторил преступник и угрожающе качнул оружием в ее сторону. «Сева, – мать заставила мальчишку опустить пистолет, – поешь уже, наконец». И сказала Даше равнодушно: «Извините». Даша по-шла за новыми банками колы.

Бортпроводница II класса Дарья Шишмарева подо-зревала, что рейс будет неудачным. Об этом говорили дурные приметы. Можно, конечно, не обращать вни-мания на предвестия, но... Капитан Сергей Горецкий споткнулся на трапе, да так, что чуть не упал. С кем не бывает, скажете вы, тем более если человек выпил. Но добавим к этому воробья, залетевшего в салон. И вы-данную прямо накануне рейса новую летную форму. Хоть бы все обошлось. Ведь погода – самое то, и пас-сажиров немного. А все равно беспокойно.

По дороге в секцию с напитками Даша притормо-зила возле компании молодых людей. Красивые ребя-та, украшение рейса. «А в следующем году можно съездить на Бали», – мечтательно говорила одна из девиц, весьма эффектная. Обращалась она будто бы

ко всем, но поглядывала при этом только на своего спутника, черноволосого красавца. Но тот молчал, обмякнув в кресле и закрыв глаза.

Подавая им несколько раз напитки, Даша, особо и не прислушиваясь, узнала едва ли не всю подноготную компании. Два товарища поднакопили денег и свозили своих длинноногих подружек в Таиланд. С ними летела и совсем молоденькая, шустрая, но далеко не столь привлекательная девица — один из парней зачем-то взял с собой еще и сестру. Сестра всю дорогу сидит с кислым лицом. И поделом, нечего увязываться за влюбленными парочками. Но не перипетии их отношений волновали Дашу. Ее беспокоил молодой черноволосый красавец.

— Не желаете ли чаю? — Склонившись над ним, Даша украдкой принюхалась. Спиртным не пахнет, а парень всю дорогу вялый. Что-то с ним неладно.

Красавчик лишь махнул рукой.

— У вас все хорошо? Если что, этим рейсом летит врач. Он сидит в хвосте. Такой... с золотыми волосами.

— Все нормально! Что вам еще нужно? — вспыхнул парень, открыв глаза, которые оказались ярко-голубыми, со зрачками как агатовые бусины.

Даша вежливо кивнула и отошла.

Через проход застыл в своем кресле и уставился на нее в упор очень странный тип. У мужчины такие жидкие волосы, что их следовало бы вовсе остричь, а он зачем-то отрастил их до самых лопаток и собрал в жутковатый крысиный хвостик. И глаза неприятные — слишком уж цепкие, приметливые. Гражданин, по всем признакам, аэрофоб. Попросил место у аварийного выхода. Нервничает и до сих пор не расстегнул ремень.

— Вы можете отстегнуть его, если хотите, — предложила Даша.

— Спасибо, мне и так удобно.

«Знал бы ты,— думала она, протягивая ему с широкой улыбкой леденец, который он отверг взмахом руки,— как надоели нам трусы вроде тебя. Ты здоровый мужик, возьми себя в руки». Но вслух она спросила лишь:

— Что будете есть?

— Мне воду.

— А поесть?

— Спасибо. Мне ничего не нужно.

Ну на нет и суда нет.

Напарница Жанна, проходя мимо, с ехидной улыбкой обронила:

— Твои любимчики тебя вызывают.

— Господи, что им опять надо...

Мимо этой семьи с несносным ребенком Даша уже старалась ходить на цыпочках. Не только мальчик, вся семейка — полный вперед. Есть пассажиры, которые считают своим долгом попросить все, что, как они думают, причитается им по праву во время полета. Просто — выньте и положьте. «Даже если мне это не нужно. Я купил билет, я имею право требовать».

— Что вы хотели?

— Извините, это сын нажал кнопку.

— Вы не могли бы попросить мальчика не вызывать персонал без нужды?

Женщина лишь пожала плечами, мол, ребенок, что с него взять:

— Но, раз уж вы здесь, дайте воды. Мужу надо запить таблетку.

— Какие-то проблемы?

— Просто частит пульс,— отрезала женщина, — дайте уже воду.

Лицо у мужа страдальческое. Достаточно посмотреть на эту розовую лоснящуюся физию, чтобы понять — симулянт, на таких пахать надо. А он глотает

таблетку с таким видом, будто сейчас умрет. Словно почувствовав ее раздражение, пара стариков, что сидела через проход, побоялась лезть с просьбами.

— Какой вам сок? — спросила Даща, и дама с седой кичкой замахала руками:

— Да нам все равно.

Идеальный тип пассажира, дисциплинированный, ненавязчивый, благодарный. Все бы такими были.

Но это еще цветочки. Настоящая «ягодка», или «фрукт», если хотите, сидит в бизнес-классе. Господин Самохвалов — известный дебошир. Находится в черном списке сразу трех авиакомпаний. Если летит Самохвалов, весь персонал должен хоть одним глазом за ним следить, чтобы он чего не натворил. Он приставал к стюардессе Nordwind Airlines и отколошматил стюарда, который сделал ему за это замечание. На рейсе авиакомпании «Россия» Самохвалов вообще прорвался в кабину пилотов, применив при этом силу. Об этом даже говорили в теленовостях.

Сейчас Игорь Самохвалов, единственный пассажир бизнес-класса, вел себя относительно спокойно.

— Быстрее нельзя было? — спросил он, когда Даша подала колу.

Нет, она не ненавидит свою работу, честное слово. Ей есть за что ее любить. Просто день сегодня такой... нехороший. Тревожно как-то. Давление, может, или нервы. Как прикажете их беречь при такой-то работе?

Снова вызывает семья с ребенком. Почему бы им не поспать для разнообразия?

Жанна, подводя губы слишком уж темным карандашом, посмотрела на нее с сожалением:

— Сколько раз тебе повторять? Не давай сесть себе на шею. Прикинься, что не расслышала.

— Я так не умею.

Что Жанна, что Рома — оба умеют напустить на себя равнодушие. Есть лица, глядя на которые сразу понимаешь — с этим не забалуешь. У Жанны — красивое, всегда немного усталое и равнодушное. У Ромы, если честно, глуповатое. Рома специально делает вид, что чего-то напутал, забыл. Что взять с рыжего конопатого растяпы?

— У вас есть йогурт меньшей жирности? — спросила мать мальчика, когда Даша снова встала перед ней во фрунт.— Мне все-таки ребенка кормить.

«Никаких проблем. Я только корову подою»,— подумала Даша, но выдавила улыбку:

— Я что-нибудь поищу.

Недавно их, бортпроводников компании U-Tair, заставили пройти тренинг, на котором объяснили: во времена жестокой конкуренции сервис должен стать еще лучше, поэтому пассажиру нужно угождать. Выяснять как можно больше о его вкусах и привычках. О предпочтениях в еде. Есть ли у него аллергия или какое другое заболевание, способное «прихватить» прямо в полете. И улыбаться, улыбаться, улыбаться. В общем, выполнять все требования «в пределах разумного». Всякий раз, когда говорят «улучшение качества обслуживания», жди, Даша, хлопот. Обязанностей у тебя прибавится, а зарплата останется прежней. И кто скажет, где кончаются «пределы разумного» и начинаются капризы?

* * *

Странный рейс. Всего четырнадцать пассажиров, и так много беготни. Даша не разделяла рейсы (которых за ее плечами было уже полтысячи) на длинные и короткие, на ночные и дневные, на зарубежные и российские. Рейсы, по ее мнению, бывают лишь двух

категорий — удачные и неудачные. Те, на которых все идет по плану, и те, на которых все наперекосяк. На которые, будто сговорившись, приобрели билеты одни стервецы и придирашки. Этот рейс с самого начала можно было причислить к неудачным. Сговор, цель которого довести ее до белого каления, налицо. Но есть среди пассажиров и приятные исключения.

— Простите, можно вас на минуточку,— подозвала женщина с бледно-розовым шрамом почти во всю щеку. Есть еще интеллигенты, которые не щелкают пальцами перед стюардессами, скромные милые женщины вроде этой. Вот подруга ее — по всему видно, штучка еще та. Ультрамодная прическа, холеное лицо. Такая прыща у себя не допустит, не то что шрама. Зачем ей эта серая мышка? Может, это вообще ее служанка, а не подруга?

— Разумеется.

— Скажите мне правду. Что-то случилось?

— Почему вы так решили?

— Трясет же,— почти прошептала женщина.

— Небольшая турбулентность, не о чем беспокоиться.

«Скажите мне правду...», «То, что нас трясет, это опасно?», «Хватит ли у нас горючего?», «Почему мы кружим над городом назначения?», «Может ли у самолета отвалиться крыло?». (Крыло почему-то вызывало больше всего вопросов, будто у самолета ломаться больше нечему.)

«Ох, дорогие мои, а вы уверены, что хотите знать, как все обстоит на самом деле? Если бы я, Дарья Шишмарева, взялась вдруг говорить правду, и только правду на протяжении всего полета, половина из вас вообще перестала бы летать». Вот она объявляет по громкой связи дежурное: «Наш полет проходит по плану. Командир корабля Сергей Горецкий желает

вам приятного полета». А как вам понравится правда: «Да, все, действительно, идет по плану. Горецкий пьян и спит себе спокойно. Как обычно. Плевал он, что все знают, что он в зюю. Как человека, его можно понять — у него погибла жена. Запил мужик. Но как профессионал он, конечно, перегибает. Но ничего, к прилету он проспится и самолет посадит. Он все еще первоклассный пилот».

Или: «Дружная команда нашего лайнера сделает все, чтобы полет был для вас приятным». «Как же — дружная. Скоро глаза друг другу выцарапаем. Второй пилот, Якушев, собирается писать докладную записку на Горецкого. Так что, может, того скоро попрут из авиации. Жанна и Рома, разумеется, ее подпишут. Им осточертело это пьянство. А я не подпишу. Мне Горецкого жалко. Еще я имела глупость с ним переспать, хотя знала, что он ни о ком, кроме своей покойной жены, не думает и всегда будет любить ее одну. Теперь Жанна с Ромой потешаются надо мной, отпускают шуточки, после которых жить не хочется. Хоть увольняйся. А Горецкий... Я не уверена, что он вообще помнит, что между нами произошло. Наверное, я дура».

Еще пассажиры очень любят, когда начинают разносить напитки и еду. Для них это — кульминация полета. Тут-то они стюардессам спуску не дадут. Но хоть раз сказать бы им: «Уважаемые товарищи пассажиры. Сейчас я открою вам секрет. Вы, наверное, удивитесь, но я вообще не обязана вас кормить и бегать к вам с водой и соком. В моих должностных инструкциях ясно и четко написано, что я должна спасти вас в случае чрезвычайной ситуации (тьфу-тьфу-тьфу), а так же — откачать, если вам станет вдруг плохо. Все. Про еду там нет ни слова. Сами почитайте. Обеды с „курицей“ и „рыбой“, из-за которых вы устраиваете скандал,— это не что иное, как акт доброй воли. И вообще, что вы

зациклились на этой еде, будто вы из голодного края? Мы летим на скорости семьсот километров в час через зону турбулентности. Но в момент, когда вы чувствуете еду, вам плевать на опасность. Пусть трясет, пусть проливается кипятком — главное, получить во что бы то ни стало свою порцию. Да подавитесь. Спасибо за внимание». Да, ее работа — сплошное лицемерие.

Мама мальчика вызвала ее снова.

— Почему так долго заняты туалеты? — поинтересовалась она.— Это безобразие, в какой ни сунешься, везде закрыто.

«Как бы вам сказать, дамочка. В хвостовой кабине уединилась со своим парнем одна из фиф. Потом ребята сядут на свои места и будут до конца полета загадочно улыбаться, будто совершили что-то из ряда вон». Если бы они знали, сколько таких парочек, которые непременно хотят трахнуться в воздухе, прошло через их авиакомпанию, то не гордились бы так. Но нет, каждый думает, что открыл Америку. Никому прежде не приходило в голову заняться сексом в самолете, а им вот пришлось. Смех да и только.

Но дамочка попалась настойчивая:

— Вы считаете это нормально, что ребенок уже битый час не может посетить туалет?

Похоже, не найти Даше сегодня пары минут, чтобы проглотить чашку чая. Жанна-то с Ромой уже по два раза пила, а ей, видимо, не судьба. Что ж за день-то сегодня такой. Самохвалов залился уже под самое горлышко. На извинение по поводу не вовремя поданного напитка обозвал коровой.

И когда дама вызвала ее в очередной раз, Даша уже готова была вспылить.

— Скажите, вы считаете, что это нормально? — Каждое свое обращение женщина начинала с этой фразы.

— Прошу прощения, но туалет еще не освободился. Мне очень жаль. Потерпите, пожалуйста.

Но дама, оказывается, вызвала ее не из-за туалета. Она показывала пальцем на кое-что в иллюминаторе. Когда Даша увидела, о чем идет речь, она, честное слово, сразу же позабыла, что Самохвалову нечем запивать виски, и что это может его разъярить. И про трахающуюся парочку в туалете она позабыла. Да про все она позабыла. Потому что такое она видела за свои две тысячи часов налета в первый раз.

* * *

Он — диспетчер. Нельзя об этом забывать. А если он диспетчер, то ему нужно что-то сделать. Но что? Приливы странной тошноты накатывали все чаще. Тело выворачивает наизнанку, суставы ломит, будто в них вместо костного мозга свинец.

Он жал это круглое, маленькое, которое называется «кнопка», и пытался произнести слова. Очень важные слова, от которых зависит жизнь десятков людей. Но слов не получалось. Язык лишь бессильно скреб нёбо. Он — диспетчер. Две точки на мониторе, движущиеся навстречу друг другу, — самолеты Боинг-747 и SuperJet-100. Одна точка идет прямо, другая сверху вниз. Странное дело, он забыл, как его зовут, но помнит, как называются эти точки. Когда они встретятся, наконец, случится страшное. Он обязан каким-то образом это предотвратить. Он — диспетчер. Он снова и снова понукал себя собраться — нет, не силы, а остатки духа, заставлявшего дышать, смотреть. Глядя на то, как приближаются друг к другу серые точки, он приказывал руке — жми, приказывал рту — говори, но тело не подчинилось командам.

Чего он хочет? Чтобы Боинг и SuperJet не встретились? Зачем это ему нужно, он вспомнить не мог.

Какая-то сила ломала тело, заставляла его двигаться по-новому, делать то, чего он не хотел. Когда он понял, что не может говорить, то начал писать. Сначала у него получалось. Но постепенно буквы стали превращаться в месиво из закорючек, не имеющих смысла. Сейчас он не мог прочесть то, что написал минуту назад. Более того, он и не помнит, о чем писал. И как называется то белое, на чем он писал. Помнит только, что он диспетчер. Каким-то образом все эти изменения связаны с тем, что у него идет кровь. Еще одна задачка, которую ему теперь не под силу решить, — откуда взялась кровь? А она уже пропитала пиджак и рубашку.

Черт с ней, с кровью. Он смотрел на монитор, жал кнопку. Между Боингом-747 и SuperJet-100 осталось всего ничего. Нужно им сказать! Заставь свой чертов язык шевелиться, издавать звуки! Но все попытки были тщетными.

Еще пара секунд — и самолеты встретятся. Даже если он сможет заговорить, это уже не спасет их. Но в тот момент, когда две серые точки должны были слиться в одну и навсегда пропасть с экрана радара, случилось невероятное. Одна из них, поднявшись чуть повыше, буквально на какой-то миллиметр, прошла над второй. И вот они уже миновали друг друга. Осталось сделать еще кое-что. Он не знает зачем, но понимает одно — это нужно совершить во что бы то ни стало. Взяв канцелярский нож, он что есть силы воткнул его себе в горло. Лезвие-бритва вошло в плоть легко. Боли не было. Он сидел за рабочим столом и втыкал нож себе в глотку, методично, размеренно. Он сделал все что мог.

* * *

Второй пилот Боинга-747 Виктор Якушев судорожно пытался понять, что он делает не так. Битый час он, нажимая кнопку на штурвале, старается добиться сигнала от диспетчеров. Поначалу отсутствие связи лишь озадачило его, не больше. Сбой техники? Потом Якушев принялся крутить ручку переносного приемника, но на всех частотах были лишь помехи. Пару раз, правда, Якушеву казалось, что он слышит сигнал, будто с ними хотят выйти на связь. Но диспетчеры молчали. Или это храпит спящий рядом Горецкий?

Он поколдовал с панелью между сиденьями и перенастроил приемник на частоту, которая мониторится спасательными службами, — снова ничего. Это уже не лезет ни в какие ворота. Поняв, что никак не может пообщаться с землей, Якушев занервничал по-настоящему. Нет, не из-за того, что нет связи, а потому, что его положение становится двусмысленным. Можно, конечно, разбудить Горецкого и спросить совета у него. Но, если это он, Якушев, что-то напутал с техникой, Горецкий станет насмехаться. Скажет, что кто-то не может даже кнопки правильно нажимать. Лучше и спокойнее будет, если он сам разберется.

Просить помощи у Горецкого не стоит еще по одной причине. Нельзя быть обязанным тому, кого ты собираешься наказать. А наказать капитана давно пора. Горецкий спит не потому, что выбился из сил за штурвалом. Он пьян. И это обычное его состояние в последнее время. Да, у Горецкого — опыт. Он налетал более десяти тысяч часов. Но если пилот начал пить, значит, место ему теперь на земле. Все, конечно, знают, что у командира горе. Но лакать коньяк перед

полетом и во время него — преступление. Преступление, которое он, Якушев, собирается пресечь. Будет Горецкому и докладная, и судебное расследование

Якушев прислушался. Вот — опять, кажется, кто-то пробивается к ним — но снова — тишина.

Как же ему не нравятся самонадеянные типы, которые плевать хотели на долг, на устав. И что самое неприятное — все капитана покрывают. Стюардессы вообще души в нем не чают. С чего бы, спрашивается? Что в нем вообще приятного? Циничные шутки? Щетина? Запах перегара? Даша уже два раза просовывала голову в дверь, но, увидев, что Горецкий спит, уходила. Просила сказать ей, когда капитан проснется, чтобы она принесла кофе. Кофе! В прежние времена ему светил бы трибунал, а они ему — кофе! Почему все носят с преступником и хамом? Да чтоб вас всех.

Нет, нельзя позволять Горецкому над собой смеяться. Второй пилот Якушев уже передумал будить капитана, когда в поле его зрения — нет, не появился, а буквально ворвался — SuperJet-100, переливающийся всеми оттенками жемчуга. Величественный, как небесный дворец, он шел сверху прямо на них. Солнце играло на круглых боках, и можно было различить, как мелко трясутся закрылки. И тогда Якушев стал бить Горецкого по щекам. Яростно, отчаянно. Разумеется, для того, чтобы разбудить капитана, достаточно было потрясти его за плечо, но тогда он о том не подумал. SuperJet-100 уже смотрит на него в упор, и на его тупоносой морде маска удивления. Мелькнула мысль: «Горецкий умер и не проснется». Но капитан открыл глаза, мутные, красные, но вполне живые, и посмотрел осмысленно. Молча схватился за штурвал.

Следующее, что увидел Якушев: SuperJet уже под ними и, лениво крутясь вокруг собственной оси, время от времени демонстрирует брюхо, как издыхающая рыба.

* * *

Он попробовал обтесать ножку стола топориком. Не бог весть какой острый, но лучше в Квартире все равно ничего нет. Зато удобно лежит в руке. С оружием не так страшно. Надо не волноваться, а звонить маме. Она обязательно ответит. В Квартире надежная крепкая дверь. Много вкусного. Никто сюда не проникнет.

Каждые пять минут или даже чаще он хватал телефон. Мама не отвечает на звонки. Что это означает? В лучшем случае она потеряла телефон. В худшем... Про это лучше не думать.

Он будет вести себя правильно. Мама говорит, что он умный. И он ее не подведет. Он сделал все, что она сказала, когда звонила в последний раз. Закрыл все шторы, все жалюзи, оставив лишь маленькие зазоры, через которые можно изучать окрестности. Он не пользуется шумными приборами, чтобы не привлекать внимания. Он закрылся и будет впускать только тех, кто неопасен.

Зажурчавшая вдруг кофеварка заставила его подскочить. Сразу же раздался звонок в дверь. Стараясь не шуметь, он посмотрел в глазок. Плохо, что линза искажает лица, не давая возможности отличить тех, кого можно впускать, от тех, кого впускать нельзя.

Сегодня звонили уже три раза, и он никому не открыл. На этот раз за дверью стоял знакомый человек. Парень, который пару раз в неделю приносит бесплатные газеты. В них реклама мебели, посуды, бытовой техники. Картинки и текст напечатаны на плохой бумаге, поэтому газеты пачкают руки, и они от них отказываются. Но парень продолжает ходить в Квартиру. И сейчас он жмет кнопку звонка, прося, чтобы его пустили.

Вспоминаем, о чем говорила мама. Все должны быть подвергнуты проверке.